

О мечте,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ

СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКИ
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ДЕТИ АФРОДИТЫ
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
РАНДЕВУ ДЛЯ ТРЕХ СЕСТЕР
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
НЕМНОГО ЛЮБВИ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ
ЗОВ СИРЕНЬ
ЗИМА ДЖУЛЬЕТТЫ
УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ЗАВЕЩАНИЕ КАЗАНОВЫ

р о м а н

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Завещание Казановы : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-699-95610-4

Арина и Родион полюбили друг друга еще будучи школьниками, однако после двадцати счастливых лет брака их семья распадается. Родион уходит к обеспеченной молодой женщине, без сожаления меняя беременную жену на деньги новой возлюбленной. Арина тяжело переживает расставание с мужем, и все же она сильная женщина. Ее спасает любовь к неродившемуся ребенку, да и взрослый сын не оставляет без поддержки. Но, как известно, беда не приходит одна... Неожиданно Арина узнает о смерти очень близкого человека и об огромном наследстве, которое он ей завещал. С этого момента жизнь ее меняется еще круче: открываются старые тайны, а на голову сваливаются новые беды...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95610-4

© Колочкова В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Помолчи меня, полечи меня, поотмаливай.
Пролей на меня прохладный свой взор эмалевый.
Умой меня, замотай мне повязкой марлевой
Дурную не остывающую башку...

Вера Полозкова

Стоило повернуть ключ в замочной скважине и открыть дверь квартиры, как состояние головокружения отступило, словно испугалось и не захотело дальше плестись за бедной головой в родные стены. Но сладковатая тошнота, верная подруга головокружения, никуда не делась, переступила-таки порог. Да и бог с ней, с тошнотой. Пережить можно. Тоже ничего хорошего, но... Все проходит, и это пройдет. И надо перетерпеть и приготовиться к тому, что дальше еще веселее будет, если судить по первому опыту. Васька, помнится, из нее все жизненные соки вытянул. Но когда это было, двадцать лет назад! Уже и забыть пора. И приготовиться пережить новый счастливый опыт. Долгожданный, неуклюжими молитвами выпрошенный. Тайный пока. Сюрприз для мужа Родиона и сына Васьки. Двадцать лет! Двадцать лет, с ума сойти.

Проходя из прихожей на кухню, Арина усмехнулась, представив их лица. Не ждали? Понятно, не ждали. А я вам, нате! Ждите приплода в семью. Можно выдохнуть и начинать удивляться, громко восклицать и буйно радоваться.

Ну Васькиного удивления она потом испробует, это успеется. Ваську сначала подготовить надо, чтоб

ВЕРА КОЛОЧКОВА

не огорошить себя непредсказуемой сыновней эмоцией. Юноша уже и не юноша, а вполне себе зрелый мужик, но хвостик детского эгоизма все никак не отвалится. Ладно, с Васькой потом.

Сегодня пусть муж узнает — давно пора. Муж Родя. Родечка. Родион. Любимый, родной.

Взгромоздив пакет на стол, Арина не спеша принялась выкладывать купленные продукты — буханку черного хлеба, зеленые перья лука, тугие головки чеснока, подсолнечное масло в стеклянной бутылке, которое еле нашла в одном из магазинчиков на рынке. Большая редкость теперь. Хотя, конечно, вряд ли оно такое же, как прежде, с оглушающе сытным запахом... Жди, любимый, забытого счастливого угощения! Помнишь?

Родя смеяться будет, наверное. Скажет — чего придумала.

Да, придумала! Вернее, вспомнила. А ты? Помнишь тот вечер, милый? Когда в доме ни копейки не было, и ты пришел растерянный, с пустыми руками? Помнишь, с каким отчаянием на меня глянул? Что ж делать, мол, надо признать, наша война проиграна. Двое влюбленных потерпели поражение в этой войне. Двое сопливых влюбленных, не дотянувших пару месяцев до восемнадцати, но радостно объявивших себя счастливой семьей и осмелившихся плыть по бурному течению жизни в утлой лодчонке самонадеянности. Да еще и с приплодом, вскорости ожидаемым.

Помнишь, конечно. И наверняка помнишь, как я улыбнулась и ушла на кухню. Как плеснула остатки

Завещание Казановы

подсолнечного масла на сковороду, натерла чесноком хлеб, обжарила до хрустящей корочки...

Только я одна знаю, чего мне это стоило. Только я одна помню, как скрутилось мое нутро от запаха подсолнечного масла — того самого. Только я одна почувствовала, как возмутился в животе Васька, пихнул маленькой пяткой — ты что, мать, издеваешься надо мной, что ли? Вместо нормального ужина, положенного беременной женщине, — черный жареный хлеб?! Что за фигня на подсолнечном масле?!

Но не было в мире ничего вкуснее этого ужина — помнишь, Родя? Ели за милую душу, глядели друг на друга, блаженно сверкая глазами. Утлая лодчонка снова была трехпалубным кораблем в синих морских просторах. А еще было счастье вприкуску — вместо вина. И Васька притих и не пинался больше. Понял, наверное, что не надо сейчас. Уловил момент.

Говорят, подобные моменты счастья нельзя повторить, они сами по себе уникальны. Возникают ниоткуда, уходят в никуда. Но отчего ж не попробовать? А вдруг получится — еще раз? Тем более повод есть... Как предисловие к сюрпризу.

Арина присела на кухонный стул, провела рукой по животу, вздохнула счастливо — эй, сюрприз, как ты себя чувствуешь? Все хорошо? Переживешь запах подсолнечного масла на раскаленной сковороде, не погонишь меня в туалет с выпученными от непереносимой тошноты глазами? Даже если погонишь, это ничего. Я потерплю, я вполне благополучно перенесу эту прекрасную непереносимость. Сейчас посижу, немного отдохну и приступим...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Арина подняла голову, привычно задержала взгляд на стене, и так же привычно мелькнула мысль: да, есть в этом что-то. Ерунда, конечно, и даже названия этому безобразию не подберешь, но есть, есть! Домашняя инсталляция, результат скоропелого творческого порыва. Синий цветок-мозаика, нагло, самоделковый и вызывающе-хулиганский, собранный почти наугад из осколков бабушкиных кобальтовых чашек. Она тогда махом все чашки грохнула, в один присест.

А как было, если вспомнить? Да, в тот вечер свекровь заявила, редкая гостья. Захотела на внука Васеньку посмотреть. Вот они с бабушкой и расстались, с перепугу чашки нарядные из буфетных закровов на свет выволокли. Свекровь ушла, чаю напившись и на внука Васеньку нагладевшись, а она собрала все чашки на поднос, понесла на кухню... и в один присест грохнула. Руки дрожали от пережитого волнения, наверное. А как же — свекровь все-таки. Бабушка рукой махнула: на счастье, мол, Ариш, бог с ними! — но Арина все равно расстроилась. Осколки собрала, отложила в сторону. А потом они сами на глаза попались. И не дала дурная голова ногам покою. Арина сбегала в магазин, купила убойный клей, и понесло... Взяла и выложила на стене эту самоделковую мозаику — одним духом, будто песню спела. Все так слепилось удачно в ярко-синий цветок! Наверное, так и бывает в жизни — когда стараешься что-то придумать, наброски-планы рисуешь, пыжишься изо всех сил, а ничего путного не выходит. А когда вот так, одним духом... И красиво!

Завещание Казановы

И необычно! И глаз радуется! Когда солнце на кухню заглядывает, острые края сверкают синими искрами, словно предупреждают — не подходи, не трогай руками. А тронешь — порежу к чертям собачьим. Сама, мол, налепила, сама и смотри на меня всю жизнь. И помни, и сохраняй дух счастливого времени.

В общем, не простой цветок получился, а цветок-символ. Потом, когда в лучшие времена с ремонтом затеялись, Родя хотел убрать самоделку. А она не дала. Грудью на защиту встала:

— Что ты, нельзя. Надо же сохранить, это наш символ.

— Символ чего?

— Символ нашей любви, нашей смелости! Нашей отчаянной счастливой юности!

— А я думал — символ нищеты. Лучше и не вспоминать, как мы жили — почти впроголодь.

— Ну да, впроголодь. Но, согласишься, не все так могут, как мы, чтобы лихо обмануть эту «проголодь» и быть ужасно счастливыми! А мы смогли... Потому что любили друг друга. Правда?

— Правда, правда. Хотя не вижу логики. Да, любовь и нищета часто оказываются в одном флаконе, но зачем уж так романтизировать?

— Ну что ты, Родя. По-моему, наоборот. Чем труднее жить, тем она веселее! Особенно, когда любишь!

— Ой, Аришка... Может, ты и права, конечно. А только не люблю я всех этих побасенок. С милым рай в шалаше. В тесноте да не в обиде. Или, как моя бабушка приговаривала по каждому случаю, голь на

ВЕРА КОЛОЧКОВА

выдумки хитра. Терзала старую замшевую сумку, пытаясь выкроить заплатки на рваные локти моего пиджака и приговаривала: ничего, мол, Родя, нынче так модно. А мы от моды ни на шаг...

— Ой, а я помню твой школьный пиджак! И заплатки помню! Но ведь и правда здорово получилось. Вполне стильно.

— Да ладно! Я ж не о том.

— А о чем?

— А о том, что цветок на стене — та же заплатка из прошлой жизни. Глупо ходить в заплатанном, если можно купить новое!

— Но сейчас и на новые вещи такие заплатки пришивают. Специально. Это модно. Давай оставим цветок, Родя! Я так привыкла к нему! Пусть как символ, как память.

— Да чего символ-то?

— Как чего? Я ж тебе объясняю: нашей юности, нашей счастливой любви, несмотря ни на что!

— Голь на выдумку хитра? Из той же серии, да?

— Ну... Пусть будет так, если хочешь. Да, юная голь была и хитра, и влюблена, и счастлива.

— Ой, да делай, как знаешь.

— Спасибо, Родь.

— Да ну... Вечно я тебе во всем уступаю.

— На том и держимся, милый. И я тебе во всем уступаю. Потому что сильно тебя люблю.

Цветок на стене остался жить своей жизнью. Как же она быстро бежит, эта жизнь! Оттого, наверное, что счастливая. В любви. Месяц — как один день. Год — как один месяц.

Завещание Казановы

Арина вздохнула, улыбнулась. И мысленно потопила себя: хватит пялиться на стену, надо за дело приниматься. Сегодня у нас романтический ужин, черный хлеб с чесноком, жаренный на масле. На том самом — уж прости, счастливая память! — зловонно подсолнечном. Да, надо бы на всякий случай вентиляцию на полную мощность включить.

Повязывая за спиной тесемки фартука, Арина вдруг поежилась, внезапно ощутив внутри непонятный испуг. Словно ящерка вильнула хвостом и тут же исчезла. И потом, когда Арина резала хлеб, когда натирала его чесноком, ощущение возвращалось и снова убегало, подразнивая. Вот уже и сама себя принялась уговаривать — ну что, что тебя беспокоит, в конце концов? Дух острый чесночный? Запах масла? Или боишься реакции мужа на приготовленный для него сюрприз? Ну это уж совсем глупо. Родя будет просто счастлив, это же ясно! Иначе и быть не может! Оторопеет, конечно, от неожиданности. Да все будет хорошо, господи! Неожиданность — тоже счастье!

Наверное, беременным теткам все время лезет в голову что-нибудь этакое, тревожно-трагическое на пустом месте. Ишь, гормоны как расплясались. Отыскали «пустое место» и наяривают гопака, и дергают за тревожные веревочки! Уже и сама не знаешь, как их унять.

Ладно. Придется звонить Роде, ничего не поделаешь. Если сомневаешься, если невтерпеж — надо звонить. Просто голос его услышать и успокоиться. Давай, давай! Самой же потом будет стыдно за пло-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

хие тревожные мысли. Нашла, чего бояться и в ком сомневаться. Это же Родя!

Так, уговаривая себя, Арина выудила со дна сумки телефон, кликнула номер мужа. Родион ответил не сразу, пришлось слушать несколько длинных гудков.

Ох, уж эти гудки в ожидании ответа... Как петлей горло затягивают. Ну откуда, откуда взялась такая тревожность? Довольно странные капризы беременного организма. Когда Ваську носила, ничего подобного не было. Наоборот, радость наружу так и перла, и улыбка с лица не сходила. Арина тут... Наверное, девочка будет, если все по-другому!

— Да, Арин... Слушаю...

— Ой, Родя! Ты почему долго не отвечал?

— Не слышал.

— А, понятно... Я уже волноваться начала...

— Чего тебе? Говори, у меня сейчас батарея сядет.

— А?.. А ты где сейчас, Родя?

— С работы вышел, домой иду. Пешком. Машина в ремонте, ты же знаешь. Да и где мне еще быть?

— Значит, скоро придешь. Очень хорошо. Я тебя жду! Очень жду!

— Погоди... Я что-то пропустил, да? Уж больно у тебя голос торжественный.

— Да нормальный у меня голос.

— Понятно... Опять праздник придумала? Сто лет фонарному столбу, под которым первый раз целовались?

— Родь...

— Ладно, извини. Устал сегодня, как собака. Скоро приду, не трезвонь.

Завещание Казановы

Все, отключился. Но тревога меньше не стала, наоборот, легонько дала под дых. Голос у мужа показался раздраженным... И ощущение такое, будто не с любимой женой разговаривает, а с чужой женщиной.

Говорят, нельзя полагаться на ощущения, а надо полагаться на здравый рассудок. А что мы имеем со стороны здравого рассудка? Да кучу всего самого замечательного имеем! Счастливую долгую любовь — это раз. Счастливый и долгий брак — это два. Сына двадцатилетнего Ваську, умницу и красавца — это три. Мало, что ли? Мало? А если мало — еще и сюрприз добавим. И вообще... Нельзя требовать от человека, чтобы он всю жизнь одинаковым оставался. Человек меняется с возрастом. Не может он быть в тридцать восемь таким же, каким был в восемнадцать.

Тридцать восемь — страшно сказать... Неужели ей и Роде по тридцать восемь лет? Двадцать лет жизни вместе — как один день, взявшись за руки...

В школе у них смешное прозвище было — Арина Родионовна. Родя сердился, а Арина смеялась, говорила ему: да они же просто завидуют... особенно девочки. Я ж самого красивого парня в классе отхватила!

Да, все считали, что они красивая пара. И что похожи, как брат и сестра. И что рановато еще играть в серьезные отношения, всему свое время, мол. И рановато, и опасно.

А им было смешно. Кто знает, когда рано, а когда поздно? Если они жить друг без друга не могут... Ни